

УДК 343.9.018.3
ББК 67.518.0

А.В. Лысова

*доктор социологических наук, профессор,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Российская Федерация*

ДОМИНИРОВАНИЕ И НАСИЛИЕ В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Значительное место в криминологических исследованиях на современном этапе развития правовой системы отводится проблеме насильственной преступности. Исследование отдельных аспектов насильственной преступности получило обсуждение в рамках лекции в Институте Макса Планка по международному и зарубежному праву в г. Фрайбурге в Германии в июле 2013 г. В результате проведенных исследований установлено, что мужское доминирование в семье часто считается основной причиной совершения мужчинами семейного насилия. Однако строгие эмпирические доказательства этой позиции в отечественной криминологической литературе отсутствуют. Более того, почти ничего неизвестно об уровне совершаемого женщинами семейного насилия и роли их доминирующей позиции в паре в совершении насилия против супругов. Два эмпирических исследования, а именно авторское общероссийское репрезентативное исследование, а также исследование, проведенное в исправительной колонии для женщин, выявили, что вероятность совершения насилия выше в парах с доминированием одного из партнеров, прежде всего мужчин из генеральной совокупности и женщин из группы высокого риска, чем в парах с эгалитарными отношениями, где оба партнера примерно в равной степени участвуют в принятии семейных решений. Полученные данные обогащают наше понимание проблемы и могут позволить выстроить более эффективные программы профилактики и терапии.

Ключевые слова: преступность; насильственная преступность; предупреждение и профилактика насильственной преступности.

A.V. Lysova

*Doctor of Social sciences, Professor,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation*

CONJUGAL DOMINANCE AND VIOLENCE

Abstract

Violent crimes are largely studied in criminological researches in modern times. Certain aspects of violent crime have been discussed within a lecture held in Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law in Germany in July 2013. Researches' results prove that male dominance is considered as major reason of conjugal violence. However, there is no strong empiric evidence for the statement in Russian criminological literature. Moreover, there is almost no data on conjugal violence by females and their dominating role in terms of violence against marital partner. Two empiric researches (one all-russian representative study conducted by the author and another conducted in female penal colony) discovered that violence perpetration probability is higher in couples with one dominating partner rather than in egalitarian couples where decisions are made equally by both partners. Violence perpetration probability is especially high in couples with statistically universal male dominating partner and high-risk group females dominating partner. The received data helps understand the problem and develop more effective prevention programs.

Key words: crime; violent crime; violent crime prevention.

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МД 4456.2012.06.

Доминирование считается основной причиной совершения семейного насилия мужчинами против женщин в феминистских теориях насилия. Тем не менее строгие эмпирические доказательства этой позиции, выполненные по репрезентативной общероссийской выборке, в отечественной криминологической литературе не представлены. Более того, почти ничего не известно об уровне совершаемого женщинами семейного насилия и роли их стремления доминировать в паре в совершении ими насилия против супругов. Таким образом, цель данного исследования заключается в выявлении влияния типа супружеского доминирования на совершение семейного насилия как мужчинами, так и женщинами.

Для этого мы ставим следующие задачи: выявить уровень совершения физического насилия в семейных отношениях мужчинами и женщинами; измерить уровень доминирования среди мужчин и женщин; выявить, есть ли статистически значимое влияние фактора доминирования на совершение насилия отдельно мужчинами и женщинами, с учетом контрольных социально-демографических переменных.

Под насилием в нашем исследовании понимается прежде всего физическое насилие, так как именно этот аспект семейного неблагополучия вызывает наиболее острую полемику в научном сообществе, а также является первостепенной задачей для политиков и практиков, которые ищут пути снижения насилия в российском обществе. Термины «семейные» и «супружеские отношения», «супруги» и «партнеры» будут использоваться в данной статье взаимозаменяемо и применяться ко всем интимным отношениям независимо от того, зарегистрированы ли они официально в органах загса. Главным условием отбора респондентов для нашего исследования было наличие опыта совместного проживания с супругом (супругой), сожителем (сожительницей) или партнером (партнершей) в прошлом или настоящем.

Эмпирической базой послужили два авторских исследования. Первое проводилось в форме опроса по репрезентативной выборке населения России размером 1 601 человек в возрасте от 18 лет и старше в апреле 2013 г. Наше исследование явилось частью регулярного опроса, проводимого АНО «Левада-Центр», по составленным автором вопросам.

В опросе приняли участие респонденты, у которых был опыт совместной жизни с интимным партнером, т.е. те, кто состоял в официальном или неофициальном браке, и разведенные. Таким образом, окончательная выборка составила 1 181 человек (52 % женщин и 48 % мужчин).

Данные репрезентативного общероссийского опроса были дополнены результатами опроса женщин, содержащихся в исправительной колонии (ИК) в Приморском крае. В опросе, который проводился в марте 2013 г., приняли участие 212 женщин в возрасте от 18 до 64 лет. Большинство женщин содержались в ИК за совершение насильственных преступлений (40,7 %) и преступлений, связанных с наркотиками (41,1 %). Остальные 18,2 % женщин совершили экономические преступления. Подчеркнем, что отбор респондентов не был случайным, и поэтому данная выборка не является репрезентативной для данной колонии или для более широкой популяции женщин в местах лишения свободы. Однако ценность полученной в ИК информации заключается в расширении нашего представления о совершении семейного насилия женщинами из группы высокого риска, которые редко попадают в общероссийские опросы.

Настоящее исследование – одно из первых в России, которое адресует вопрос о совершении насилия обоим супругам – мужчине и женщине. Мы исходим из предположения, что женщины также способны к совершению насилия в семье. В этом мы основываемся, во-первых, на теориях семейных структур и семейного взаимодействия, согласно которым взаимодействие в супружеской коммуникации чаще всего зависит от действий обоих партнеров / супругов [13]. Во-вторых, мы признаем право женщин на активную роль в межличностных отношениях и их ответственность за принятые решения. Исследователи, которые игнорируют или снижают важность женской агрессии, как ни парадоксально, скорее лишают женщин части отвоеванных женским движением прав [6; 8].

Авторы большинства отечественных и западных научных работ, посвященных семейному насилию, исходят из убеждения, что доминирование в семейных отношениях – это характеристика мужчин. Однако очень немногие взялись эмпирически проверить данное утверждение. Те ученые, которые изучали уро-

вень доминирования среди мужчин и женщин в семейных отношениях, не нашли значимых различий. Например, крупное международное исследование насилия в добрачных отношениях, проведенное в 32 странах, выявило примерно одинаковый уровень доминирования, осуществляемого в паре как мужчинами, так и женщинами. При этом в 24 из 32 стран женщины проявляли даже более высокий уровень доминирования, чем мужчины [11]. Общее социальное исследование (General Social Survey) 1999 г., репрезентативное для населения Канады, также выявило примерно одинаковый уровень контролирующего поведения, которому подверглись мужчины и женщины, пострадавшие от семейного насилия [9].

Вопреки ожиданиям группы американских и российских исследователей, заключавшимся в подтверждении доминирующего положения мужей в супружеских парах, уровень доминирования, который выражался в контроле над принятием семейных решений, значимо не различался между мужчинами и женщинами [12]. Более того, жены несколько чаще мужей считали себя главными в управлении семейными финансами, а также в принятии важных семейных решений. Хотя Д. Ванной и ее коллеги [12] предположили, что доминирование российских жен в принятии решений может представлять собой скорее жизненную необходимость, нежели привилегию, отражающую власть женщин, ученые тем не менее сделали вывод о заметном ослаблении патриархальных устоев в российских семьях.

В социологии сложились разные взгляды на возможную связь между уровнем доминирования и совершением семейного насилия. Одни ученые предполагают, что эгалитарные отношения связаны скорее с высоким уровнем конфликтов и насилия из-за борьбы супругов за власть. Однако эта позиция, похоже, не выдерживает эмпирической проверки, так как многочисленные исследования, проведенные в США и других странах, показывают, что эгалитарные отношения связаны с наименьшим уровнем насилия в отношениях, в то время как доминирование одного из партнеров, мужчины или женщины, повышает шансы совершения насилия [11]. По итогам российского исследования супружеских пар 1996 г., мужья с гораздо большей властью в отношениях были более склонны к совершению насилия, чем мужья, распределяющие

власть поровну с супругой (авторы исследования, однако, не измерили, как уровень женского доминирования связан с совершением насилия самими женщинами). Объясняются полученные результаты тем, что доминирующий партнер, будь то муж или жена, может применять силу, чтобы сохранить свою позицию, а в то время как подчиненный партнер стремится получить силой то, что ему недоступно, или же пытается в целом поменять структуру отношений.

На основе проанализированных выше исследований сформулируем следующие гипотезы:

– уровень совершения семейного насилия значимо не различается между мужчинами и женщинами;

– супруги примерно в равной степени участвуют в принятии семейных решений;

– доминирование одного из партнеров, мужа или жены, связано с более высоким уровнем насилия в отношениях, в то время как эгалитарные отношения – с наименьшим его уровнем.

Для определения уровня совершаемого мужьями и женами насилия мы использовали краткую форму шкалы поведения в конфликте [10]. Мы выявляли совершение отдельных легких и тяжелых форм насилия, которые в последующем объединили в шкалу общего уровня насилия. Показатель надежности шкалы для мужчин составил 0,71, для женщин – 0,73.

В ходе общероссийского репрезентативного исследования респондентам, у которых был опыт совместных отношений, зачитывалась преамбула: «Бывает так, что между мужем и женой или интимными партнерами (для краткости и супругов, и интимных партнеров будем называть партнерами) возникают споры, разногласия, серьезные конфликты. Эти ситуации разные пары улаживают по-разному, но иногда дело доходит даже до рукоприкладства». Потом задавались два вопроса: «Случалось ли в течение последних 12 месяцев, что Вы толкали свою партнершу (своего партнера) или давали ей (ему) пощечину?» и «Случалось ли в течение последних 12 месяцев, что Вы били свою партнершу (своего партнера) кулаками, ногами и т.п.?» Варианты ответов были: «Больше 20 раз», «11–20 раз», «6–10 раз», «3–5 раз», «2 раза», «1 раз», «Ни разу, но бывало раньше», «Никогда». Для вычисления уров-

Таблица 1

**Доля мужчин и женщин, которые сообщили
о совершении семейного насилия
в последние 12 месяцев, %**

Формы насилия	Мужчины	Женщины	Всего	Хи-квадрат
Легкие (n = 1 167)	9,3	11,2	10,3	1,05 (н/з)
Тяжелые (n = 1 165)	3,4	4,5	3,9	1,04 (н/з)
Общее насилие (n = 1 181)	9,5	11,1	10,3	0,87 (н/з)

ня совершения насилия за последний год мы присвоили 0 вариантам ответов, если насилие не происходило в последние 12 месяцев, и 1 – всем остальным вариантам ответов.

О совершении как минимум одного акта насилия против супруга (супруги) в предшествующие 12 месяцев сообщили 10,3 % опрошенных респондентов, вошедших в репрезентативную общероссийскую выборку. Однако уровень совершения насилия за весь период отношений, т.е. без ограничения последним годом, составил 33 %. Эти данные в целом согласуются, хотя и чуть выше уровня насилия, выявленного в ходе других исследований в России в предшествующие годы. Например, 27 % московских жен сообщили о том, что подвергались насилию со стороны супруга, в 1996 г. [7], 28 % жен ответили утвердительно на вопрос: «Избивал ли Вас Ваш нынешний или прежний муж или сожитель?» – в ходе исследования, проведенного ВЦИОМ в 2002 г. [4], 29 % респондентов, опрошенных при исследовании насилия на свиданиях в России в 2004 г., сообщили о совершении насилия над партнером [3]. Полученные в результате настоящего исследования данные могут свидетельствовать о постепенном росте уровня насилия в российских семьях, хотя временная тенденция требует отдельного анализа, выходящего за пределы данной статьи.

Анализ с использованием перекрестных таблиц показывает, что женщины несколько чаще мужчин сообщали о совершении насилия против супруга / партнера в предыдущие 12 месяцев, однако эта разница статистически незначима ни для легких, ни для тяжелых форм насилия (табл. 1). Полученные нами данные согласуются с результатами многих исследований в других странах, где мужчины и женщины опрашивались на предмет совершения семейного насилия. Российское исследование, в котором вопрос о совершении физического насилия задавался не только мужчинам, но и женщинам, неожиданно для исследователей выявило большое число женщин, которые сообщали о совершении насилия против своих мужей [12]. Отметив серьезность последствий мужского насилия для женщин, исследователи, однако, сделали вывод, что «культура насилия определенно касается как мужей, так и жен, и только мужчины не могут обвиняться в семейных проблемах, которые заканчиваются насилием» [12, с. 181].

Чтобы измерить уровень доминирования мужчин и женщин в семейных отношениях в ходе общероссийского исследования, респондентам задавался вопрос: «За кем чаще всего остается последнее слово в случаях, когда в Ваших отношениях с партнером (партнершей) возникают разногласия?» Этот вопрос направлен на выявление одного из компонентов доминирования, а именно власти, в принятии решений в паре. Подобный вопрос применялся в исследовании супружеских пар в трех российских городах в 1996 г. [12].

Метод перекрестных таблиц показывает, что около половины мужчин и женщин, попавших в репрезентативную выборку россиян, сообщили о равенстве в принятии решений со своими партнерами (51 % мужчин и 53 % женщин). Однако женщины чаще мужчин сообщали, что за ними остается последнее слово в семейных разногласиях (35 % женщин и 30 % мужчин). Интересно, что мужчины также чаще признавали, что последнее слово остается за их женами (19 %), и только 12 % жен сообщили о большей власти своих супругов в отношениях. Эти различия между мужчинами и женщинами в уровне доминирования статистически значимы (хи-квадрат = 8,64, $p = 0,01$).

Полученные результаты о равном распределении власти в принятии семейных решений между супругами и даже несколько большем доминировании женщин согласуются с данными зарубежных и отечественных исследований. Например, при исследовании супружеских пар в 1996 г. о большей власти женщин в семье заявили 35 % женщин и 15 % мужчин в московской выборке; о равенстве заявили 45 % женщин и 58 % мужчин; наконец, о большей власти мужей в принятии семейных решений заявили 15 % женщин и 21 % мужчин [12, р. 94].

**Совершение семейного насилия мужчинами и женщинами
в зависимости от типа доминирования в семье, %**

Респонденты	Совершение насилия	Типы доминирования в семье			Всего	Хи-квадрат
		Я доминирую	Мой супруг (моя супруга) доминирует	Эгалитарные отношения		
Мужчины	Нет	83,1	90,4	93,6	89,9	9,83*
	Да	16,9	9,6	6,4	10,2	
Женщины	Нет	84,3	81,8	87,6	85,7	4,31
	Да	15,7	18,2	12,4	14,3	

* $p < 0,01$.

Метод перекрестных таблиц показал, что есть статистически значимая связь между типом доминирования в отношениях и совершением насилия мужчинами, но не женщинами (табл. 2). Так, большинство мужчин, которые сообщили о совершении насилия, считали, что за ними остается последнее слово в разногласиях (16,7 %). Гораздо меньше мужчин сообщили о совершении насилия, если в их отношениях последнее слово остается за женщиной (9,6 %). Однако наименьший уровень насилия, совершаемого мужчинами, наблюдается в парах с эгалитарными отношениями (6,4 %). Хотя уровень насилия, совершаемого женщинами, также наименьший при эгалитарных отношениях (12,4 %), различия между категориями по типу доминирования для женщин статистически незначимы.

Так как зависимая переменная совершения насилия – дихотомическая (0 – не совершил (-а) насилие, 1 – совершил (-а) насилие), для выявления влияния фактора типа супружеского доминирования на вероятность совершения насилия в последние 12 месяцев был применен метод логистической регрессии. Независимая переменная типа доминирования (1 – я доминирую, 2 – мой супруг (моя супруга) доминирует, 3 – эгалитарные отношения) анализировалась в модели как категориальная переменная, где пары, в которых установились эгалитарные отношения, считались референтной группой.

Другие переменные в модели – пол респондента (с женским полом как референтной группой) и переменная, отражающая интеракцию типа доминирования с полом респондента. В модель также вошли контрольные переменные из числа социально-демографических характеристик респондентов, которые взаимодействовали на статистически значимом уровне с переменной совершения насилия, а именно возраст, уровень образования, финан-

совое положение и регион проживания (категориальная переменная с Дальневосточным регионом в качестве референтной группы).

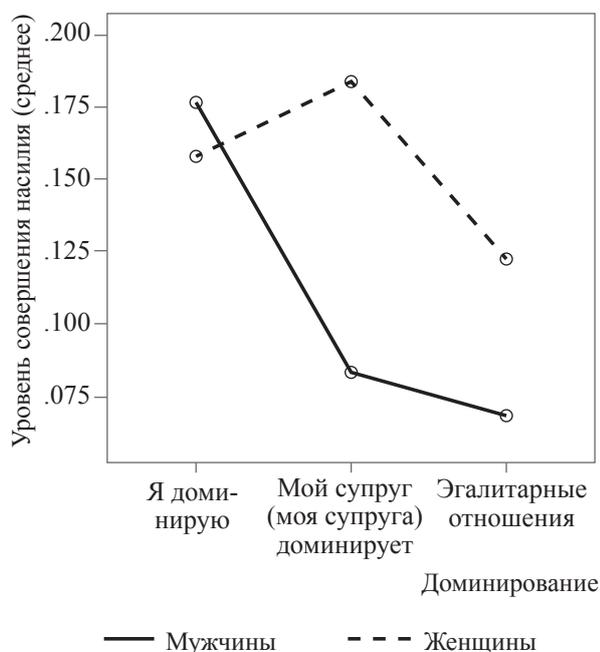
Применение логистической регрессии показало, что фактор доминирования оказывает воздействие на вероятность совершения насилия и что вероятность совершения насилия выше в парах с доминированием одного партнера, чем в парах с эгалитарными отношениями. Включение в модель переменной, которая представляет интеракцию типа доминирования с полом респондента, позволило выявить, что шансы совершения насилия доминирующими мужьями в 2,4 раза выше шансов совершения насилия доминирующими женами ($\text{Exp}(B) = 2,4$, $p = 0,07$). Другими словами, в репрезентативной общероссийской выборке доминирование выступает фактором риска для совершения насилия мужьями, но не женами.

Рисунок 1 иллюстрирует выявленные закономерности с учетом контрольных переменных. Очевидно, что при эгалитарных отношениях уровень насилия наименьший, хотя для женщин уровень совершения насилия распределяется более равномерно в зависимости от типа доминирования, чем для мужчин.

Чтобы получить более полное понимание роли фактора доминирования в совершении семейного насилия женщинами, в дополнение к общероссийскому исследованию нами было проведено исследование по выборке женщин, содержащихся в одной из исправительных колоний в Приморском крае.

Исследование проводилось в марте 2013 г. методом анкетирования, в котором приняли участие 212 женщин. Вопросы для данного исследования были включены в регулярное исследование, которое проводится в стенах ИК штатным психологом. Женщин попросили как можно полнее и правдивее заполнить анкеты и при этом нигде не указывать своего имени. Так

как вопросы касались информации, которую респонденты могли стараться сгладить или не сообщать по причинам социальной желательности, то в анкету была также введена шкала ограниченного раскрытия информации. Эта шкала вводилась в качестве контрольной переменной во все анализируемые модели, чтобы повысить валидность полученных данных.

Рис. 1. Уровень совершения насилия в зависимости от типа доминирования в супружеских отношениях по полу респондента и с учетом контрольных переменных

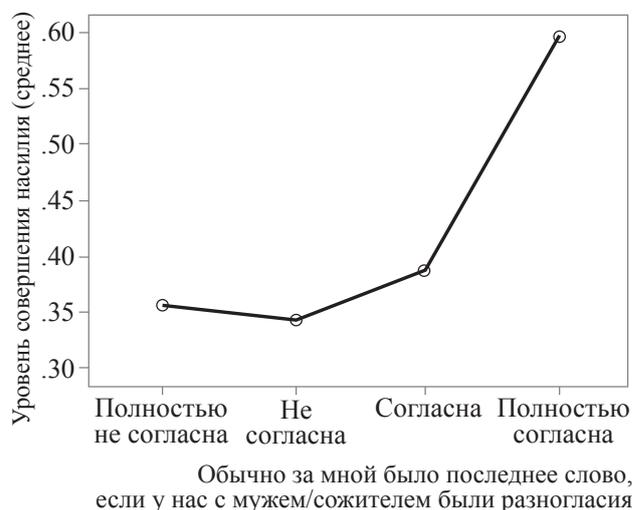
Как и в общероссийском исследовании, женщинам из ИК, которые имели опыт семейных отношений, задавался вопрос о совершении насилия против партнера. Однако в отличие от общероссийского исследования мы не ограничивали вопрос 12 месяцами, предшествующими опросу, что может приводить к более высоким данным об уровне совершаемого насилия. Как и ожидалось, женщины из ИК чаще сообщали о совершении семейного насилия, чем женщины, принимавшие участие в общероссийском исследовании (39 и 33 % соответственно). Предположительно, женщины из ИК представляют собой группу высокого риска как в плане совершения насилия, так и опыта виктимизации в результате насилия.

Для выявления типа семейного доминирования помимо вопроса, который был задан респондентам, попавшим в общероссийскую выборку, женщинам в ИК также были заданы пять

дополнительных вопросов, которые составили шкалу доминирования со значениями от 1 до 4 (где 1 означает низкий уровень доминирования и 4 – высокий уровень доминирования) со средним (2,37) и стандартным (0,51) отклонением. Надежность шкалы доминирования для респондентов в нашем исследовании составила 0,63.

Первоначальный корреляционный анализ показал статистически значимую положительную связь между высокими показателями по шкале доминирования с совершением женщинами семейного насилия ($r = 0,33, p < 0,001$).

Применение логистической регрессии шансов совершения насилия женщинами в зависимости от уровня их доминирования выявило, что каждое повышение на единицу по 4-балльной шкале доминирования повышает шансы совершения женщинами семейного насилия в 3,6 раза ($\text{Exp}(B) = 3,6, p < 0,001$). При этом в модели также были учтены контрольные переменные, которые были найдены статистически значимо связанными с совершением женщинами семейного насилия, а именно тип поселения, финансовое положение и шкала ограниченного раскрытия информации. Рисунок 2 демонстрирует взаимосвязь переменной доминирования, сходной с той, которая использовалась в общероссийском исследовании, с совершением насилия женщинами.

Рис. 2. Уровень совершения насилия женщинами в зависимости от доминирования в отношениях с учетом контрольных переменных (n = 189)

Проведенные исследования подтвердили три выдвинутые в начале статьи гипотезы. В первых, на вопрос о совершении семейного

насилия в предшествующий год 9,5 % мужчин и 11,1 % женщин из репрезентативной общероссийской выборки ответили утвердительно. Хотя женщины чаще мужчин сообщали о совершении насилия против супруга, эти различия статистически незначимы. Полученные результаты на первый взгляд противоречат тому, что мы знаем о семейном насилии из средств массовой информации и полицейской статистики, где женщины часто оказываются жертвами тяжелых форм насилия. Однако в нашем исследовании мы имеем дело с самоотчетами респондентов о совершенном насилии, о котором чаще всего никто не заявляет в полицию и не сообщает в газеты, особенно если это насилие в семье направлено против мужчин со стороны женщин. Подобные расхождения между полицейской статистикой и самоотчетами респондентов о совершении семейного насилия наблюдаются в других странах. Более того, полученные нами данные согласуются с результатами исследований в разных странах, где и мужчины, и женщины опрашивались на предмет совершения насилия против партнера.

Вторая гипотеза, о превалировании равенства в принятии значимых решений мужьями и женами в российских парах, в целом подтвердилась. Чуть более половины мужей (51 %) и жен (53 %) считают, что принимают спорные семейные решения в равной степени совместно с супругом (супругой), что оказалось неожиданностью, хотя и было продемонстрировано более ранними российскими исследованиями, в ходе которых было установлено, что у женщин уровень доминирования в принятии решений по спорным семейным вопросам даже несколько выше, чем у мужчин [12]. Причем разница между мужчинами и женщинами в уровне доминирования оказалась статистически значимой.

Есть несколько подходов к объяснению полученных результатов. Во-первых, можно предположить, что одного вопроса, направленного на измерение доминирования в нашем исследовании, недостаточно для выявления такого сложного феномена. Однако валидность заданного нами вопроса подтверждается сходными результатами исследования супружеских пар в 1996 г., в ходе которого использовалась расширенная шкала для измерения доминирования, а также сходными результатами недавнего общероссийского исследования, посвященного выявлению типов управления семейными финансами [2; 12].

В исследовании Д.Х. Ибрагимовой измерялся такой компонент доминирования, как финансовый менеджмент («Кто в Вашей семье распоряжается доходами?»). Наиболее распространенной оказалась система общего и частичного пула (46 %), когда супруги складывают все деньги или какую-то часть денег вместе, а потом каждый берет оттуда сколько нужно. Модель женского доминирования отметили в своих семьях 25 % респондентов, мужского доминирования – 23 %. Однако автор подчеркивает, что совместное управление финансами не всегда может означать общее главенство супругов в семье. Также стоит отметить определенные исторические процессы, начавшиеся в советское время (например, войны и политические репрессии) и продолжившиеся после перестройки, которые вынудили женщин не только наравне с мужчинами руководить семьями, но и брать на себя большую часть ответственности за судьбу семьи [1].

Наконец, наше исследование обнаружило значимую связь между доминированием одного из супругов в принятии семейных решений (в противоположность эгалитарным отношениям) и совершением насилия против партнера. Однако нами выявлены определенные половые различия в опосредовании этой связи. Так, например, по результатам общероссийского исследования, доминирование мужчин предсказывает совершение насилия против супруги при учете контрольных переменных, в то время как для женщин значимой связи между доминированием и совершением насилия против супруга не обнаружено. Однако результаты дополнительного эмпирического исследования в исправительной колонии для женщин показывают, что доминирование также является значимым фактором риска при совершении семейного насилия женщинами.

Обнаруженные различия в воздействии доминирования на совершение насилия женщинами между двумя выборками могут объясняться качественными различиями в характеристиках опрошенных женщин. Женщины, содержащиеся в ИК, представляют собой группу высокого риска (например, чаще выходят из неблагополучных семей, имеют высокий уровень потребления психоактивных веществ, рано совершают девиантные, в том числе антисоциальные, поступки и т.д.) и имеют меньше шансов быть представленными в общероссийских исследованиях.

Итак, основной вывод из настоящего исследования заключается в том, что вероятность совершения насилия выше в парах с доминированием одного из партнеров (прежде всего мужчины), чем в парах с эгалитарными отношениями, где оба партнера примерно в равной степени участвуют в принятии семейных решений. Мы подчеркиваем значимость влияния мужского доминирования в принятии решений на совершение семейного насилия, так как эти результаты получены по репрезентативной общероссийской выборке, включающей мужчин разных возрастов, профессий, социально-экономического статуса и др. При этом доминирование также является фактором риска при совершении семейного насилия женщинами, прежде всего из группы высокого риска.

Полученные результаты в отношении мужчин могут служить частичным подтверждением патриархатных теорий, которые связывают совершение насилия мужчинами главным образом с их большей властью в принятии супружеских решений (эти теории не задаются вопросом о связи женского доминирования с совершением ими насилия против супруга). Однако при интерпретации полученных данных важно учитывать следующие ключевые моменты. Во-первых, большинство мужчин, которые указали на высокий уровень доминирования в супружеских отношениях, не совершали насилия против супруги (83,1 %) (см. табл. 2). Таким образом, доминирование может считаться скорее фактором риска, нежели основной причиной совершения насилия мужчинами против женщин, как утверждают феминистские теории.

Во-вторых, доминирование как фактор риска может быть связано с другими факторами, которые определяют механизм воздействия доминирования на совершение насилия. Например, проведенный нами дополнительный анализ показал, что если мы разделим мужчин на две группы в зависимости от потребления алкоголя (тех, кто не принимает алкоголь, и тех, кто принимает алкоголь), то воздействие фактора доминирования на совершение наси-

лия перестает быть статистически значимым в группе непьющих мужчин, но сохраняет свою силу в группе мужчин, принимающих алкоголь. Это значит, что фактор принятия алкоголя служит значимым модератором связи между доминированием и совершением насилия мужчинами. Можно предположить, что в состоянии алкогольного опьянения из-за когнитивных изменений у мужчины ослабевают запреты на использование силы против супруги, которая объективно или субъективно для мужчины оспаривает его право на доминирование.

В заключение подчеркнем актуальность полученных результатов для социальной политики, особенно в связи с обсуждением нового законопроекта, посвященного предотвращению насилия в семье. Насколько можно судить по публикациям в СМИ, разрабатываемый законопроект носит выраженный гендерный характер, в нем женщины заранее определены жертвами, а мужчины – обидчиками, которые заслужили наказания или в лучшем случае принудительной помощи [5]. Полицейская статистика действительно указывает на гораздо более высокую в результате внутрисемейного насилия виктимизацию женщин, чем мужчин. СМИ, в свою очередь, также высвечивают единичные шокирующие случаи семейного насилия против женщин. Но ни официальная статистика, ни информация в СМИ не могут претендовать на более или менее комплексное отражение такого сложного явления, как семейное насилие. По сути, нам представлена вершина айсберга, но остальные формы насилия и сложная динамика насилия между обоими супругами, включая агрессивность женщин, часто остается за пределами внимания (наше исследование демонстрирует это). Однако эффективное реагирование на семейное насилие зависит от более полного понимания феномена и факторов, его вызывающих. Вот почему полицейская статистика должна дополняться данными социологических исследований, где респонденты сообщают о насилии, которое остается за пределами полицейской статистики и СМИ.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России / Е. Вовк // Социальная реальность. – 2006. – № 3. – С. 61–73.
2. Ибрагимова Д.Х. Кто управляет деньгами в российских семьях? / Д.Х. Ибрагимова // Экономическая социология. – 2012. – Т. 13, № 3. – С. 22–56.
3. Лысова А.В. Насилие на свиданиях в России / А.В. Лысова // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 94–103.

4. Лысова А.В. Физическое насилие над женами в российских семьях / А.В. Лысова // Социологические исследования. – 2008. – № 9. – С. 121–128.
5. Насилие в семье: помощь нужна не только женщине, но и обидчику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2013/06/21/5388753.shtml>.
6. Allen H. Rendering them harmless. The professional portrayal of women charged with serious violent crimes / H. Allen // *Criminology at the Crossroads* / K. Daly, L. Maher (Eds.). – N. Y. : Oxford Univ. Press, 1999. – P. 54–68.
7. Cubbins L. Socioeconomic resources, gender traditionalism, and wife abuse in urban Russian couples / L. Cubbins, D. Vannoy // *Journal of marriage and family*. – 2005. – № 67. – P. 37–52.
8. Downs D.A. More Than Victims: Battered Women, the Syndrome Society, and the Law / D.A. Downs. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1996. – 317 p.
9. Laroche D. Aspects of the context and consequences of domestic violence – Situational couple violence and intimate terrorism in Canada in 1999 / D. Laroche. – Quebec : Government of Quebec : Institut de la statistique du Québec, 2005. – 24 p.
10. Straus M.A. A short form of the revised Conflict Tactics Scales, and typologies for severity and mutuality / M.A. Straus, E.M. Douglas // *Violence and victims*. – 2004. – № 19 (5). – P. 507–520.
11. Straus M.A. Dominance and symmetry in partner violence by male and female university students in 32 nations / M.A. Straus // *Children and youth services review*. – 2008. – № 30. – P. 252–275.
12. Vannoy D. Marriages in Russia. Couples during the economic transition / D. Vannoy, N. Rimashevskaya, L. Cubbins, M. Malysheva, E. Meshterkina, M. Pisklakova. – Westport, Connecticut : Praeger, 1999. – 242 p.
13. Winstok Z. Partner violence. A new paradigm for understanding conflict escalation / Z. Winstok. – N. Y. : Springer, 2013. – 179 p.

REFERENCES

1. Vovk E. Gender inequality and females in modern Russia. [Vovk E. Gendernaja asimmetrija i zhenskie roli v sovremennoj Rossii]. *Social'naja real'nost' – Social reality*, 2006, no. 3, pp. 61–73.
2. Ibragimova D.H. Who manages money in Russian families? [Ibragimova D.H. Kto upravljaet den'gami v rossijskih sem'jah?]. *Jekonomicheskaja sociologija – Economical sociology*, 2012, Vol. 13, no. 3, pp. 22–56.
3. [Lysova A.V. Abuse on dates. [Nasilie na svidanijah v Rossii]. *Sociologicheskie issledovanija – Sociological Researches*, 2006. no. 2, pp. 94–103.
4. Lysova A.V. Wives' physical abuse in Russian families. [Lysova A.V. Fizicheskoe nasilie nad zhenami v rossijskih sem'jah]. *Sociologicheskie issledovanija – Sociological researches*, 2008, no. 9, pp. 121–128.
5. Family violence: not only females need help, but offenders do also. [Nasilie v sem'e: pomoshh' nuzhna ne tol'ko zhenshhine, no i obidchiku]. Available at: <http://www.gazeta.ru/social/2013/06/21/5388753.shtml>.
6. Allen H. Rendering them harmless. The professional portrayal of women charged with serious violent crimes / H. Allen // *Criminology at the Crossroads* / K. Daly, L. Maher (Eds.), N. Y. : Oxford Univ. Press, 1999, pp. 54–68.
7. Cubbins L. Socioeconomic resources, gender traditionalism, and wife abuse in urban Russian couples / L. Cubbins, D. Vannoy // *Journal of marriage and family*, 2005, no. 67, pp. 37–52.
8. Downs D.A. More Than Victims: Battered Women, the Syndrome Society, and the Law / D.A. Downs, Chicago : Univ. of Chicago Press, 1996, 317 p.
9. Laroche D. Aspects of the context and consequences of domestic violence – Situational couple violence and intimate terrorism in Canada in 1999 / D. Laroche, Quebec : Government of Quebec : Institut de la statistique du Québec, 2005, 24 p.
10. Straus M.A. A short form of the revised Conflict Tactics Scales, and typologies for severity and mutuality / M.A. Straus, E.M. Douglas // *Violence and victims*, 2004, no. 19 (5), pp. 507–520.
11. Straus M.A. Dominance and symmetry in partner violence by male and female university students in 32 nations / M.A. Straus // *Children and youth services review*, 2008, no. 30, pp. 252–275.
12. Vannoy D. Marriages in Russia. Couples during the economic transition / D. Vannoy, N. Rimashevskaya, L. Cubbins, M. Malysheva, E. Meshterkina, M. Pisklakova, Westport, Connecticut : Praeger, 1999, 242 p.
13. Winstok Z. Partner violence. A new paradigm for understanding conflict escalation / Z. Winstok, N. Y. : Springer, 2013, 179 p.

Сведения об авторе

Лысова Александра Владимировна – профессор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, доктор социологических наук, сотрудник Центра криминологии и социально-правовых исследований в Университете Торонто (г. Торонто, Канада) при поддержке фонда Пьера Трюдо, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: alexandra.lysova@yahoo.com.

Information about author

Lysova Aleksandra Vladimirovna – Professor of School of Humanities of Far Eastern Federal University, Toronto University Criminology and social and legal researches Centre worker, Doctor of Social sciences, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: alexandra.lysova@yahoo.com.